

Солженицын все время живет с мыслью о родной земле. И хоть досталось ему на ней, и выгнан был из ее пределов - он вечно в думах о ее горе, ранах, судьбе.

Восемьдесят пять колец времени... Но как трудно уйти от лагерного крика: «Включить прожектор!» Опять свет в затылок, снова бег по лучу и только в луче - и никуда в сторону... И вот, когда пришла почесть Кремля, он отринул ее: «От верховной власти, которая довела страну до нынешнего гибельного состояния, я награду принять не могу». Замалчивали праведника - получайте...

Он был тогда для нас просто человеком из России. А кто он, откуда, в какой среде рос - ничего не знали, да особенно и не задумывались тогда над этим, на одном дыхании читая «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». Была жизнь, нам неведомая, страшная, и была жизнь, текшая вроде как за перегородкой, до нас доносились ее голоса, но мы словно ничего не слышали. И многие прятали произведения Солженицына, боясь скорой расправы за вольнодумие, - к раскрепощению умов призывали писательские строки, и не какие-то там подпольные, а это скорее всего и воспринималось настороженно. «Не к добру!» В нашей прогнившей системе появился совсем другого голоса механизм, который выпал из общего куракарканья, а кто это позволит кричать, когда еще все спят?..

его за это»). И далее - о желании побывать на родине.

Крамер, Крамер... Не о ней ли, как подруге своей матери, выведенной под именем Ксении, упоминает Солженицын в «Августе четырнадцатого»: «Когда Ксения приезжала на каникулы домой, ее приводила в ужас атмосфера невоспитанности в семье. Однажды она привезла с собой Соно (свою подругу-еврейку), ее глазами еще острее ощутила всю неотесанную первобытность и чуть не сгорела от стыда». Старый Щербак во время семейных споров хватался за нож, избивая жену.

...Я вошел во дворик голубой, очень домашней - так и хочется привалиться к ней плечом - церкви. Шла служба. И протиснуться туда, внутрь, поближе к теплу голосов хора, не представлялось возможным - народу уже было плотно и на ступенях входе в храм. В возрожденный храм. И представилась эта картина, резкими штрихами нарисованная Солженицыным. Застывший перст на старушечьем лбу, чье-то испуганное: «Боже...» Недоговоренная молитва... И будто меня кто-то в спину ткнул - мол, посторонись. Малевали на крещеных стенах: «Религия - опиум для народа». Под корень ее, под самый... Завтра и колокола наземь. «Первое впечатление всей моей жизни, - пишет Солженицын, - мне было, наверно, года три-четыре: как в кислородную камеру входят острогловые (чекисты в буденовках), прорезают обомлевшую, онемевшую толпу молящихся и прямо в шизаках, прерывая богослужение, - в алтарь».

Конечно, еще многое могла бы рассказать Ирина Щербак. Но я не успел и к ней. Хотя умершую, которая держала десятка

ОДНА ЖИЗНЬ

АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА

К 85-летию со дня рождения Солженицына

Я не собираюсь разбирать произведения Солженицына. Его творения оцениваются по-разному - да это и хорошо, но при этом не надо отворачиваться друг от друга. Илицо огромный талант, русский, именно русский, и тут бы сказать: «Слава богу, дождался», - а не улюлюкать...

Так из какой он стороны земли нашей? Таисия Солженицына, мать писателя, приехала из Саблы рожать в Кисловодск. Будущий лауреат Нобелевской премии объявился в этом мире на улице Пушкина (позже переименованной в Богдана Хмельницкого) в доме своего дяди и свирелего деда - Захара Щербака, местного дачевладельца. К сожалению, дом, в котором родился Александр Солженицын, не сохранился - его снесли где-то в 70-х годах. Так что памятную доску цеплять некуда - хлопот, выходит, никаких.

Еще не зная, где родился Солженицын, я думал: «Кого-то из великих этот город обязательно дал». Город удивительного, божественного воздуха и доброго, яркого, почти не пропажающего солнца. Прежде это был третий город, венчавший отдых высшего общества на Кавказских Минеральных Водах. Город, где стрелялись на дуэли, ибо здесь, в Кисловодске, после промывания внутренностей чудо-водами в Железноводске и Ессентуках, умы занимали любовь и всякие другие вольности, подступающие к постыльничеству после лечения организму. И город очень и очень тихий, город - дворик художников. Здесь я и нашел Солженицына. В молве. Она-то и вывела меня на местного искусствоведа Б.М. Розенфельда. Он рассказал еще об исчезнувшем архиве Марии Васильевны Крамер, очевидно, очень близкой подруги матери Александра Исаевича. Она умерла где-то в 80-х в Пятигорске и будто бы перед смертью уничтожила рассказы, письма, фотографии Солженицына.

- Я познакомился с Крамер случайно в конце 60-х и стал бывать у нее, - поведает Борис Матвеевич. - Она-то и показала мне дом, где родился писатель, ознакомила с некоторыми его произведениями, за что на нее озлился Солженицын. Тем не менее он очень вежливо ответил на мое письмо, в котором я просил уточнить место его рождения («Уважаемый Борис Матвеевич, я действительно рожден в Кисловодске и невольно люблю

три кошек, еще хорошо помнили соседи. Они и подкармливали старуху, когда-то унаследовавшую миллионное состояние. До 80-х годов она жила в Георгиевске, на Ставропольщине, по улице Бойко, 109. Ее мазанка под битой черепичной крышей, похожая на большую собачью будку, стояла в окружении тоже частных, добротных кирпичных домов. Именно сюда после отбытия ссылки наведался писатель, именно здесь он часами расспрашивал Ирину Щербак об истории их семьи, и часть услышанного от нее вошло в книгу «Август четырнадцатого».

А теперь я прибегну к гамбургскому журналу «Штерн» самого начала семидесятых: «Все персонажи книги Солженицына, названные подлинными именами, мертвы, за одним исключением. Ее зовут Ирина, и автор представляет ее в самом начале повествования как очаровательную, молодую и очень богатую женщину, муж которой - Роман, одетый по английской моде помещик. Кто такая Ирина? Репортер журнала Дитер Штейнер установил, что зовут эту женщину Ирина Ивановна Щербак, она приходится Солженицыну теткой, невесткой его матери».

А что же с матерью? Она умерла в 1944 году в Георгиевске от туберкулеза. Я долго искал ее могилу на старом, подгнившем под бульдозер кладбище. Собственно, взору предстала свалка, а не погост, умиротворяющий душу. Орять хочется: «Да разве можно так оскорвлять прах предков наших!» На могилах в карты играют, блюют с перепоя, а мы потом о какой-то нравственности... Проиграли ее вот на таких делах, в пух проиграли.

Заглянул в местную церковь - может, по регистрационным книгам могилку Таисии Захаровны сыщу? Не получилось.

В тот же день я поехал в Саблинское, что в Александровском районе. Правда, село чаще зовут более выразительно - Сабля. Именуют его иногда и Солженицыным, - нет, не в честь писателя. Александр Исаевич здесь ни при чем. Люди помнят его деда - Семена Ефимовича Солженицына. До революции это был состоятельный хозяин. Имел около двух тысяч десятин земли, держал овец, число которых доходило иногда до двадцати тысяч. Помяну, в таком хозяйстве требовались помощники. Нанимал батраков. И тридцать, и сорок, и пятьдесят. Число их менялось в зависимости от особенностей каждого года. Но как бы то ни было, себя Семен

ИЗ БИОГРАФИИ СОЛЖЕНИЦЫНА
Окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, в 1941 году - физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не имеет. Перед самой войной заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В 41-м призван рядовым и год спустя после окончания артиллерийского училища назначен командиром батареи. На фронте до февраля 1945 года. Награжден двумя орденами. В звании капитана был арестован (в его письмах была прослежена критика Сталина). Приговорен к восьми годам заключения. В 1957 году реабилитирован.

Ефимович от физического труда не освобождал. И домашние к тому приучал, прежде всего сыновей - Исайя, Василий, Константин, Илья. А дочь Мария была помощницей матери. В семье не знали распри. Односельчане любили Семена Ефимовича - и совет добрый даст, и на подмогу никогда не покусится.

Дорога на Саблю вела к трагичному прошлому. Пахло кострищем, конской мочой, навозом... Завораживал гул пластавшегося по туману табуна. Княжие гривы лошадей шелком играли на ветру. Солженицынский табун, гонимый древним гиком, несся под чужие сабли, к чужим, далеким, неведомым полям, где уже вовсю шла сечь четырнадцатого.

Из семьи Солженицыных на мировую ушел старший из сыновей - Исайя. Ждали его долго. И вернулся офицер в дом с женой. Где-то на фронтальной дороге встретил землячку - из Кисловодска, и все у них сладилось. Жить переехали в курортный город, правда, у отца Исайя Семенович бывал регулярно. Любил походить с двухстволкой по степным просторам. На охоте и приключился с ним беда: смертельно ранил сам себя... Сын Александр родился в Кисловодске лишь через полгода после этого трагического случая.

А вскоре на плечи Семена Ефимовича обрушилось новое несчастье: умер сын Василий, оставив после себя дочку Ксению. Вот таким нерадостным получился для Солженицыных 1918 год. Таисия Захаровна не часто, но появлялась в Сабле. И первым долгом заглядывала к матери Ксении. Объединяли их печаль по потерянным мужьям и радость - малые дети.

Перелистываю свои записные книжки, где много сказано о близких родственниках Александра Исаевича, которых удалось разыскать мне. Читаю: «Я смутно, однако же, помню Таисию Захаровну, - говорит Ксения Васильевна. - Красивая была женщина. Первой любви осталась верна на всю жизнь. А каков Саша, не знаю. Встретаться с ним не довелось».

Ей 72 года. Живет в Сабле безвыездно. Родное село по всем статьям. Многие пришлось пережить этой женщине. Рассказ был грустным:

- Исполнилось всего полгода, когда осталась без отца. А когда минуло пять лет, умерла мать. Кроме меня - еще два брата. Спасибо дяде Константину: не оставил нас, хотя у самого было пятеро сыновей да дочь. Стали жить все вместе. Обходились своим трудом. А тут подоспел двадцать девятый год. Началось раскулачивание. Дядя Константин и угодил под него - выслали со всей семьей на Урал. Я, девчонка, с двумя братьями осталась в пустом доме хозяйкой. Зарабатывала на пропитание тем, что нянчила детей в других крестьянских домах. Иногда пасла телят...

Когда Ксении исполнилось одиннадцать лет, ее приняли в колхоз. Словом, дали работу. А братья с голодухи умерли. Думала, что и самой скоро конец. Не в поле же жить - дом отобрали. Но тут восемнадцатилетней девчушке сделал предложение Тимофей Загорин. Стали вить собственное гнездо. Да не успели - началась Великая Отечественная. Муж с фронта не вернулся. Ксения Васильевна всю себя отдавала колхозу. Хранит удостоверения победителя социалистического соревнования. У нее три такие книжечки.

- Жизнью я довольна, - решительно отвергает любое сочувствие Ксения Васильевна, сохраняющая до сих пор твердость духа и крепость воли. - У меня ладный дом. Есть огород, несколько фруктовых деревьев. Кормлю себя сама.

В Саблинском живет и один из ее сыновей - Николай Тимофеевич Загорин. Заведует четвертым производственным участком колхоза имени Кирова. Второй сын, Владимир Тимофеевич, живет в Минеральных Водах, электрик. Когда узнал о судьбе своего родственника, вышел из рядов КПСС, членом которой был двадцать лет.

- Буду беспартийным. И этого звания не посрамлю, - так объяснил матери.

Она восприняла неожиданную весть молча. Только украдкой глянула на иконы в углу комнаты. Да на комод, где у зеркала стоят две цветные фотографии, полученные из Америки. На одной - Александр Исаевич, его жена - Наталия Дмитриевна, сыновья - Ермолай, Игнат. На обороте надписи: Вермонт, 2 сентября 1988 года. На другой - писатель с супругой и младшим сыном - Степаном. И с ним рядом красивая белая собака.

Ксения Васильевна приложила немало сил, чтобы найти адрес двоюродного брата. Просила о помощи Советский Красный Крест, но там развели руками. Помог случай. Как-то к ней заглянул поэт Александр Марков, который и передал ей весточку из США. И вскоре оттуда пришел ответ: «Дорогая сестра Ксения! Очень рад был твоему письму. Я так и догадывался, что ты за меня много претерпела...»

Да, Ксения Васильевна не стала скрывать от двоюродного брата, что одно время после февраля 1974 года, когда Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель А.И. Солженицын был лишен гражданства по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР, к ней в дом частенько наведывались «искусствоведы в штатском», косились на иконы, выспрашивали: не имеет ли каких-нибудь вестей от родственника. Ничего полезного она им сказать не могла, но такого рода визиты рождали чувство внутреннего протеста. Только как его выразить? И старая крестьянка-колхозница отказалась от мужниной фамилии, вернула себе девичью - Солженицына. Да при выписке паспорта ее «нечаянно» написали с ошибкой: Солжаницына. Буковки попутали: вместе «е» поставили «а». Сына Владимира «законспирировали» еще основательнее. У него в документах значится - Салжаницын. Вот так они поддерживали родственника-изгоя. А ведь кто-то из родни фамилии испугался. Некоторые даже сменили ее. «Наверное, теперь жалуют», - предполагает Ксения Васильевна. И до сих пор со слезами на глазах вспоминает долгожданное письмо брата: «Пошли тебе Господь здоровья и долгой жизни. Надеюсь еще повидать тебя, когда приеду. Но куда мне пути нету. Мы оба с женой тебя обнимаем. Привет твоим сыновьям и снохам».

А еще через несколько месяцев (1989 г.) пришло письмо от жены писателя: «Дорогая Ксения Васильевна! Получили ваше письмо от 1 апреля. Большое спасибо за поздравление с Пасхой. К тому времени, что это письмо до Вас доберется, уж, наверно, настанет Троица, - поздравляем и мы вас... Собрали и отправили вам посылку».

Благодаря этим письмам она почувствовала живое, родное сердце, страдающее, отзывчивое, живущее большой надеждой - вернуться на родину. А то ведь знала о нем не больше остальных. Я же бью поклон земле: у же в который раз из роду-племени крестьянского выходит писатель, гордостью народной слышущий. Гласность, перестройка... Нет, не с эпохой Горбачева пришла к нам эти слова - еще задолго до нее Солженицын говорил, что советское общество больше не в состоянии жить без этих двух понятий.

В отместку - лишение возможности жить на земле отца, деда, прадеда... Боль, которая проникала и в нас, исходила из всех Солженицыных, когда они говорили о земле. Ее отняли у них, как любимое дитя, как женщину, без которой не мыслишь жизни, как кусок хлеба, самый вожделенный, ибо он сотворен тобой - от колоска до горячего карава. Земля была всем существом их, не частью, не крупницей помыслов и дум, а тем огромным понятием, без чего все остальное - какое-то приложение к человеческой жизни.

Оттого-то и сшибаем куски по свету, что искоренили на земле хозяйина! Что земля у нас стала подобием общего котла, а люди хотят есть из своих тарелок. И еще мало этого... Повывырывали хлеборобов да скотоводов. Стала наша земля напоминающей пустой, неухоженный дом, и посмотрите, сколько окон в России без палисадников и кустов сирени, сколько скучающей без яблоневых цветов земли!..

А когда настала недолгая оттепель, их всех, Солженицыных, отринутых от родного порога, потянуло на Ставропольщину - к своей колыбели. Приехала сюда и Вера Константиновна Щербак, двоюродная сестра писателя. Схоронила на Урале отца с матерью, скиталась по чужим людям, полной чашей испила то, что выпало на долю «кулацкого отродья». Ведь только так характеризовали всюду, где доводилось появляться...

Владимир ЧЕРТКОВ